

ФИЛОСОФСКИЙ ДИАЛОГ XXI ВЕКА

Александр Фломастер

ИГР А П РА В И Л Я

Философский диалог XXI века

МОСКВА
2020

УДК 159.9
ББК 88.5
Ф73

Фломастер, Александр.
Ф73   Игра правил / Александр Фломастер. — Москва : Эксмо, 2020. — 528 с.

ISBN 978-5-600-02691-9

«Игра правил» – это уникальный синтез науки и философии, написанный языком психологии взаимоотношений и упакованный в современную социальную проблематику.

В книге представлены двенадцатилетние изыскания автора, структурированные в метафизическую модель, объемлющую популярные и альтернативные научные теории, некоторые философские направления и разнообразные религиозные воззрения.

Затрагивается значительная часть острых проблем современного общества, будь то переоценка значимости потребления, эгоцентризм, кризис авторитетов, утрата смысла жизни, различные формы нетерпимости и многое другое. Особое внимание уделено проблематике взаимоотношения полов.

УДК 159.9
ББК 88.5

ISBN 978-5-600-02691-9

© Фломастер А., текст, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ГЛАВА I

МОЯ ПЕРВАЯ ПАРТИЯ

Сидя напротив меня в кресле и закинув голень левой ноги на колено правой ноги, В потянулся за своей чёрной пешкой и сделал тридцать пятый ход e5. «Ход ни о чём», – подумал я, и сразу забрал пешку ответным ходом Fe5. Он без раздумий ответил: ладья e5, и самодовольно и слегка надменно озаменовал ход очередной порцией своего менторства:

– Сила человека, – вальяжно излагал В, – обусловлена количеством гипотетически и фактически побеждённых им других людей. Людей, либо уже уступивших тебе своё жизненное пространство, либо готовых это сделать, как только ты от них этого потребуешь. Угнетение свободы воли – это неотъемлемый атрибут борьбы в человеческом социуме, – многозначительно разводя руками и замедлив речь, он обозначил окончание своего раунда, как бы ожидая отсутствия возражений и признания его победы. На лице В всё отчётливее проступало выражение самодовольства, которое он намеренно демонстрировал, но чтобы это выглядело так, будто он тщетно пытается его скрыть.

Мы играли в игру, внешне сильно напоминающую классические шахматы. Происходила она на шахматной доске и шахматными фигурами, ходящими по правилам шахмат. Всё дело в том, что после 2006 года, когда машина начала доминировать над человеком в шахматах, интерес к ним с нашей стороны внезапно начал остывать. Но привычка – дело настырное, и даже когда мы сознательно отказались от дела, где творчество человека уступало место холодному расчету машины, тяга к шахматам оставалась на каком-то, чуть ли не инстинктивном, уровне. К слову сказать, «шахматы Фишера» тоже не поправляли положения и стойкого интереса не вызывали по той же самой причине. Тем не менее решение было найдено! И ответ пришёл, как всегда, со стороны вездесущего и во всё проникающего постмодернизма: объединения и сложения ранее имеющегося и создания чего-то, пусть и не принципиально, но довольно-таки нового и свежего. Короче говоря, В предложил объединить две игры: шахматы и го. Поначалу идея показалась до крайности абсурдной и нереалистичной, но в процессе обсуждения правил и механики игры стало вырисовываться что-то очень

даже приличное. Игра начинается с пустого шахматного поля, куда игроки поочередно выставляют шахматные фигуры, размещая их на любых клетках. Один ход – одна выставленная фигура. Первыми на стол выставляются короли. После королей – любые фигуры или пешки по желанию. Действуют два правила: нельзя выставлять фигуру на сторону поля соперника, то есть за свою половину, и нельзя выставленной фигурой объявлять шах – выставленная на доску фигура должна «пожить» на поле хотя бы один ход, прежде чем обретёт возможность пересечь центр и атаковать короля противника. Немаловажна была возможность выставлять по две пешки за один ход, что в случае опасности давало хороший манёвр для защиты. Разумеется, единожды срубленные фигуры более не возвращались до завершения партии на игровое поле. Так у нас и получился слегка видоизменённый «Кингчесс». Поначалу игра в «это» была задорным ребячеством, продолжающимся исключительно из любопытства и разнообразия. Но со временем появлялись всё более захватывающие связки и стратегии, основанные на определённом порядке выставления фигур и пешек. Появились фишки и уловки с захватом пространства и прочие элементы творческого процесса игры, свойственные как шахматам, так и го. Игра прижилась и успешно затягивала всех её попробовавших. Синтез двух игр был гордо наречён «ШаГо», как несложно догадаться, по первым двум буквам названий. Была, конечно, идея назвать игру «ГоМаты», что, безусловно, гораздо ближе по звучанию и возникающим в голове образам передавало суть нелепой задумки. Но «ГоМаты» ратворились тогда же, когда и были сотворены, уступив место нынешнему названию, закрепившемуся на годы.

Наша игра сопровождалась оживлённым и эмоциональным диалогом, как и полагается, с нарастающей важностью произносимых речей – когда каждый считает, что именно его фраза будет решающим туше в разговоре, расставляющим всё на свои места и заставляющим оппонента признать поражение. Тема, по обыкновению, обсуждалась острая и жизненная: «Почему сильные люди угнетают слабых?».

– Всё дело в том, – незамедлительно среагировал я, нивелируя тем самым созданную им пафосность момента, в то же время сходяв ферзём на а1, – что человек с угнетённой свободой воли не добавляет тебе силы, а лишь показывает уровень силы нынешний. Задача сильного человека заключается не в познании собственного уровня силы, а в её приумножении. Нет никакого смысла плескаться силой в сторону слабых. Это не принесёт тебе никакого прироста в силе. Оттого сильным человеком является не угнетающий слабого, а слабому помогающий...

– Сентенциями глаголить – твоё всё! – внезапно перебил В. – Но пафосное словоблудие о «помощи слабым» не имеет ничего общего с прикладными знаниями о жизни. Подобным красноречием набита не одна сотня книг.

Книг, как будто бы знающих и мудрых, а в реальности лишь напыщенных от собственной важности, но пустых и легкомысленных. Всё их красноречие с треском расколется о нашу замечательную зияющую мраком действительность. Приведи мне хоть один конкретный пример, где человек способен множить свою силу, не угнетая воли других людей?

Тот факт, что он меня перебил, – изрядно польстил. Он не стал бы делать этого без веской причины. Да ещё и забыв об очередном ходе! И раз уж такое произошло, то ему явно не по нраву услышанное. Но я постарался не обличать факта понимания своей маленькой победы, а предпочёл выжать из произошедшего по максимуму: прибавил пару децибел громкости в голосе для пущей уверенности и докрутил ноток спокойствия в мимике для создания видимости абсолютного комфорта своей позиции:

– Могущество короля, – размеренным тоном отозвался я, – измеряется не числом окружающих его пешек. Нет! Могущество короля измеряется числом ферзей, созданных королём из пешек. Могущество короля измеряется числом людей, имеющих огромную силу и готовых пустить её в ход во имя своего правителя. Разница между зависимостью и преданностью. Между страхом и уважением. Между, в конце концов, ненавистью к тебе и любовью к тебе. Поэтому наделяя других людей силой, ты множишь и свою собственную. Сильные и преданные тебе люди представляют собой бóльшую пользу для тебя, чем угнетённые, слабые и зависимые. Угнетая людей, ты множишь врагов, хоть и слабых. А помогая людям и наделяя их силой, ты создаешь крепких друзей и союзников. Поэтому из пешек нужно создавать как можно более могущественные фигуры, наделяя их силой, а не оставлять их пешками и уж тем более не сбивать их с доски.

Закончил я говорить, ощущая абсолютный контроль над ситуацией и вкус победы во рту. Я толкнул мощнейшую мысль, наполненную полноценными образами. Для полноты картины, где в финале добрый герой побеждает злодея, в конце моего спича не хватало только эпической темы Ханса Циммера и лёгкого бриза в лицо. Это была тяжёлая победа и оттого настолько приятная! Лицо В стало настоящим, все маски растаяли, глаза смотрели на доску, но как бы сквозь неё. И мысли его летали именно там, куда я их и отправил: в моей версии правды!

– Твой рассказ о необходимости создавать из пешек ферзей, – неторопливо заговорил В, смотря на доску и о чём-то думая, – это, бесспорно, верная мысль. Но она верна с одной оговоркой. Она верна только в том случае, если ты единственный на доске король, – сходяв неожиданно для меня ферзём е8, он оторвал от доски взгляд и, устремив его в мои глаза, продолжил говорить. – Короли, друг мой, существуют только на этой игровой доске. Но в нашей с тобой реальной жизни нет никаких королей. Никаких помогающих другим фигурам королей не существует. Все люди – лишь

фигуры разного достоинства, усердно старающиеся доковылять шаг за шагом до ферзей. Но наше ковыляние совсем не на руку уже имеющимся на доске ферзям. Уже стоящим на доске ферзям не нужны конкуренты и соперники на «их» доске. Им не нужны новые ферзи. Ведь в реальном мире не существует никакой преданности и каждый играет только сам за себя. Оттого ферзи реального мира всеми силами стараются помешать другим фигурам стать ферзями. И в этом примитивном спектакле и заключена вся наша жизнь: борьба с другими фигурами за лучшее место под солнцем. И до самой смерти каждая фигура будет пытаться рубить фигуры меньшего достоинства, уворачиваясь от ударов фигур достоинства большего. В стремлении стать сильнее мы будем рубить всех, кого можем рубить мы, и будем стараться выживать против тех, кто норовит срубить нас, – он оторвал от доски моего короля с g1 и, вращая его в руках, не спеша продолжал. – Поэтому вести речь о каком-то короле, якобы создающем из пешек ферзей и заботящемся о других фигурах, – это профанация чистой воды. Это полное непонимание механизмов человеческого социума, – вернув короля на место, он поднял лежащую с левой стороны доски мою ранее срубленную пешку и, медленно покручивая её в руках, продолжил говорить. – Ты, как и я, и как все остальные люди вокруг, – лишь одна из сотен миллионов фигур. И тебе плевать на окружающие фигуры чуть более, чем полностью.

Продолжая вращать пешку в правой руке, он замолчал. После его хода ферзём на e8 партия была закончена, ведь я вынужден был поменять своего ферзя на его ладью через три хода или получить мат через один. Я был уничтожен до такой степени, что вместо своих мыслей слышал лишь шаг секундной стрелки часов, стоящих далеко на кухне. Картина полностью перевернулась, и я оказался не в состоянии подыскать достойный ответ на им произнесённое. Я не мог найти слов и выдал что-то унижительно шаблонное вроде: «Хорошая партия, В, но мне нужно ещё поработать, так что давай договорим завтра!» Кивнув и поставив пешку обратно на стол, В встал, прошёл в прихожую, надел свою тёмно-синюю восьмиклинку, накинул пальто, пожал мне руку, поблагодарив за партию и беседу, и вышел на площадку с дежурной фразой-обещанием «позвонить на днях».

Заперев дверь и дойдя до кровати в спальне, я плюхнулся на неё как подкошенный и уставился в потолок... в потолок, из стыков плит которого совсем недавно на пол протекал цементный раствор, залитый соседом Серёгой сверху. Привычно перебирая затёртые чётки, я начал думать о бесчисленных случаях, когда я зарекался не праздновать победу раньше времени. Что как бы я ни контролировал ситуацию или как бы мне ни казалось, что я её контролирую, нужно сперва довести дело до конца, а потом уже радоваться полученному результату. Но я снова и снова попадаюсь в одну и ту же

ловушку и наступаю на одни и те же грабли. Причём на грабли самим собой и разложенные, что раздражало невероятно.

Но недооценка ситуации волновала меня куда меньше, чем сама суть разговора с В. Я старался как-то отвлечься рассуждениями о недооценке, хотя и здесь всё время возвращался к сути разговора, пытаюсь отыскать точку своего провала. Была ли моя позиция изначально ошибочна или я повёл её к пропасти с какого-то определенного момента диалога? Пытаясь разрешить возникшую дилемму, я обнаружил себя совершенно в другой позиции: под ногами у меня возник Гранд-канал! И по его водам я плыл то ли на гондоле, то ли на аутентичном лонгтейле тайского типа. В общем, я находился на какой-то деревянной лодке с одним веслом позади. А управляла диковинным транспортом моя одноклассница, которую я не видел уже много лет. В стремлении разобраться в происходящем я совсем выпустил из виду, что мои рассуждения увели меня от бессилия в сон, где мы зачем-то плыли с Оксаной по Венеции...

ГЛАВА II

КОРОЛИ И ПЕШКИ

Попытки солнца пробиться сквозь окно в мои закрытые глаза не имели успеха против толстого полотенца, служившего плотной занавеской. Но Серёгино мастерство укладки ламината с помощью дрели, молотка и болгарки было неумолимо.

– И почему мысль о короле, окружённом сильными фигурами, мне казалась настолько веским аргументом во вчерашнем разговоре? – копошился я в мыслях спросонья. – Ведь, по сути, это получается не дружба и не забота о других людях, а самая что ни на есть манипуляция. Создавать для самого себя сильные фигуры! С мыслью не о благе людей, а именно о своём собственном. О благе короля. По сути, создавать лакеев и обслугу своих интересов. Прагматический подход, о котором и говорил В. Отвратительно, – разочарованно подытожил я.

Неожиданно в голове возникло продолжение мысли, ещё сильнее разбивающее мою вчерашнюю логику:

– Ведь актуальность других пешек для короля имеет место только в том случае, если они одного с королём цвета. Чёрные пешки для белого короля – не перспектива усиления, а совсем даже наоборот. И если всё же допускать существование королей, то, во-первых, – все они разного цвета. А во-вторых, им не под силу понять не то что цвет окружающих пешек, а хотя бы цвет свой собственный. Да и возможно ли понять свой цвет, и существует ли он? Уместно вообще ли разделение королей среди людей на цвета? – Столько вопросов без ответов. Поэтому В ещё проявил сдержанность в натиске на мою несостоятельную позицию и не разделал меня вчера подчистую, озвучив всё только что мной понятое.

– А может быть, такое понимание ему вовсе недоступно? – вдруг ошарашило мою голову. – Может быть, ему недоступна углублённая конкретика моего заблуждения?

В голове возник странный диссонанс. С одной стороны, я в полной мере понял силу позиции оппонента и слабость своей. Но с другой стороны, я отыскал в себе способность развить позицию оппонента и получить более качественную модель возражения, чем была у него. Я как бы победил

сам себя успешнее, чем победил меня оппонент. А значит, я отчасти победил и его? Во как! Такое завершение мне понравилось больше вчерашнего! И так как мочевого пузыря всё настойчивее отправлял меня в известное место, после которого нужно было идти умываться, делать упражнения на пресс и завтракать, я решил закончить утреннее структурирование мыслей уверенностью в победе и над самим собой, и над оппонентом. Появилась приятная точка, отчасти восстановившая раздавленное вчера самолюбие.

В нынешнем году я внезапно полюбил пшённую кашу, стойко ненавидимую всю сознательную жизнь. И немного подкрепившись кашей и бутербродом из чёрного хлеба со сливочным маслом и вкусным свежим сыром, я снова устремил мысли в блуждания по вчерашнему эпизоду:

– Это что получается? Получается, я отстаивал позицию созидания, выраженного взаимопомощью людей друг другу. Позицию сострадания и милосердия. Позицию любви различных форм. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», и всё такое. И я не смог удержать такую позицию? В самом деле? Что-то здесь точно было не так. Видимо, я зря полез в дебри аналогий с шахматами. Какие-то ферзи, пешки, короли. Зачем всё это, если речь о реальных людях? Видимо, романтика шахматной философии повела меня по ложному пути.

К слову, сыр и масло для поедаемого бутерброда были куплены Юмой вчера на базаре у женщины, много лет торгующей молочной продукцией со своего домашнего хозяйства. И она очень старается делать своё дело, исправно привозя из близлежащей деревни для постоянных клиентов всё действительно свежее и качественное. Ни разу не видел её, но дистанционно уважаю как большого профессионала своего дела.

– А может, не зря я полез в шахматную философию? – не унимался я. – Может быть, плоды произошедшего разговора дадут мне возможность убедиться в ошибочности моего нынешнего взгляда на общество людей? Ведь о какой взаимопомощи можно вести речь в условиях рыночной экономики и капитализма? А люди сами выбрали такой формат общества. Следовательно, они находятся на соответствующем уровне нравственного развития. На уровне, обусловленном грызнёй каждого с каждым. Своей агрессией, ненавистью и разрушением люди сами выбрали формат противостояния друг с другом, а совсем даже не любви и какого-то там «правильного общества», восплаемого теоретиками.

Мысли разгонялись, и в ход пошли оставшиеся со вчерашней посиделки три ломтика красного «Риттер Спорт» с марципаном. Жаль, что осталось всего три. Хотя чай на исходе, пожалуй, в самый раз.

– Но ведь сам факт прогресса человеческого социума говорит именно о склонности людей к развитию в кооперации? – неудержимый поток мыслей продолжал прорываться наружу. – Если посмотреть на людей прошло-

го, то, например, родоплеменной строй вообще не предполагал какой-либо терпимости к не состоявшим с тобой в кровном родстве людям. «Кто не с нами, тот против нас», и всё в таком духе. А сегодня люди могут помочь на улице совершенно незнакомому и чужому человеку, просто потому что им захотелось помочь. Сегодня получается, что «кто не с нами, тот занимается своим делом» – и это абсолютно нормально. Актуальна более продвинутая модель: «мы развиваемся, и они развиваются». «Я свободен в своём развитии, а другой человек свободен в развитии своём». Всё помаленьку вытекает в миролюбивый формат взаимодействия: «мы не против них, и они не против нас». В формат: «мы существуем параллельно». Понемногу исчезает парадокс восприятия, когда человек сам себя считает свободным и достойным лучшего, а другого считает недостойным того, что у него есть. «Я ничему никому не должен, а мне должны все вокруг», – предельно необоснованная мысль. Но именно ей и заполнены легионы голов по всему свету. Наравне с мыслью о том, что сам ты личность и уникал, а все остальные вокруг – безликая масса. Хотя факт уникальности каждого человека должен вытекать из понимания собственной уникальности. «Если я считаю себя уникальным, то и другой человек, так же, как и я, считает уникальным себя». Мы все уникальны и развиваемся параллельно. Подобные идеи мало-помалу начинают укладываться в голове у современного человека. Пусть не полностью и пусть не везде, но прогресс, безусловно, есть. Как минимум мы приходим к определённой спаду нетерпимости и вражды. Значит, не за горами и полноценная созидательная кооперация!

Я медленно прогуливался по комнате из стороны в сторону – так мне всегда лучше рассуждалось. Терпеть не могу думать в статичном положении. Тем более думать о чём-то важном.

– Может, пригласить на вечернюю партию В? Ведь со стороны «спада нетерпимости и прогресса в кооперации» мою позицию не просто будет разбить. Да и возьмётся ли он её разбивать? – Непременно возьмётся! Не потерпит отклонений от своей модели эгоистичного человека, воюющего с другими людьми. А я обосную ему развитие человеческого социума наглядными историческими примерами, фактом наличия прогрессирующих форм кооперации между людьми и вытекающим из этого вектором созидательной направленности! Логичная, верная и сильная позиция, – подумал я и тут же набрал его номер.

– Да-да-да! – вместо приветствия взорвался В. – Тридцать седьмой ход ладьи f2 был лучшим ходом, вместо твоего ферзь а1. Я уже тоже посмотрел. Хотя ты там всё равно уже был без пешки, но на нашем уровне не критично, и шансы в эндшпиле у тебя оставались неплохие!

В самом ли деле он подумал, что я звоню по вопросу вчерашней партии? Или решил заострить внимание на моём поражении, чтобы, о чём бы

ни пошёл далее разговор, уже иметь моральное преимущество, потому что мне будет неловко из-за того, что мы не обсудили вчера должным образом его победу и он не наслаждался ей в полной мере. Можно, конечно, попытаться уколоть в ответ, выдав небрежное: «Да крут-то ты крут, без вопросов, но я забыл уже про вчерашнюю партию и звоню совсем по другому вопросу!» Но если он и не думал нападать, а в самом деле просто интересовался возможным развитием партии и сейчас делится своими наблюдениями со мной без злого умысла? Тогда такой ответ с моей стороны будет выглядеть неуместным хамством. Ну или по меньшей мере выдаст, что меня до сих пор напрягает поражение, раз я так остро реагирую на напоминание. А напрягает ли оно меня? Отчасти да, но в любом случае меньше, чем поражение в дискуссии. Скорее всего, лучшим ответом будет спокойствие и сдержанность. Слегка безразличный, но всё же выдержанный в позитивном ключе ответ:

– Привет, В! – хихикнул я, напялив пластмассовую любезность. – Я по другому поводу. Но спасибо, конечно, что разобрался. Я потом обязательно гляну партию ещё раз...

Только я начал жевать какую-то учтивую белиберду, как мне на ум пришла очень интересная мысль. Мысль о том, как же много событий и вариантов прокручиваются у человека в мозгу. Что даже во время происходящего разговора в воображении получается за доли секунды параллельно разбирать пласты разнонаправленной информации и принимать решения.

– Занимательный факт! – обрадовавшись своей находке, я решил сразу же ей поделиться. – Звонил я тебе по одному вопросу, но в процессе разговора у меня появился ещё один повод. Хочешь послушать сначала то, зачем я изначально звонил, или то, что зародилось прямо сейчас?

– Вторая мысль, – бодро зазвучало на том конце провода, – это и моя заслуга тоже. Ты ведь со мной разговаривал в момент, когда она к тебе пришла, поэтому выдавай сначала то, к чему я причастен, а потом своё.

– Ты, короче, как всегда в своём изворотливом стиле – присваивать себе чужие победы. – В трубке раздался смех, и я продолжил: – Знаешь, почему человеку во сне кажется, что он очень долго спит и много всего происходит, притом что реального времени может пройти совсем мало?

– Конечно, знаю, – задорно отвечал он, – но с радостью выслушаю и твой вариант.

– В общем, – собрав мысли в кучу, приступил я к изложению задуманного, – это происходит из-за того, что в линейном времени реальности человек способен находиться только в одном месте и делать только одно действие. А во сне человек одновременно находится в разных событиях и прыгает из одного места в другое, он не ограничен линейностью времени. И ему кажется, что где он только не побывал и что события продолжались долго. Ведь он

привык, что передислокация и смена обстановки занимают уйму времени. Точно так же, как человек разгребает кучу информации в голове при мышлении за доли секунды, так и во сне пласты событий наслаиваются друг на друга, а мозг воспринимает их как «случившиеся по очереди». Ведь мозг привык воспринимать протекающую жизнь линейно.

– Ну, прохладная инфа, – произнёс В, явно не получив ожидаемого откровения. – Это, во-первых. А во-вторых, я не могу понять, каким образом я смог оказаться причастен к мыслям о нелинейности событий во сне?

Не знаю почему, но я взял и выпалил ему всю цепочку своих не слишком приятных для него рассуждений:

– Когда в начале разговора ты начал рассказывать мне про вчерашнюю партию, я сразу же задался вопросом «зачем же ты это делаешь?». Хочешь покичиться фактом вчерашнего выигрыша или на самом деле разобрался в партии и хочешь поделиться? Я продумал множество вариантов твоей мотивации буквально за мгновение. И следствием копания стало понимание многомерности мыслей человека. Что в мыслях и рассуждениях человек одновременно оперирует разными слоями, а в реальных действиях человек плоский и линейный. И тема про сны тоже в этой связи доехала. Как-то так. Поэтому ты оказался причастен к моей мысли о мнимой долгосрочности и наполненности снов событиями.

– И чем же закончилось твоё рассуждение о мотиве моего звонка? – с неподдельным любопытством отозвался он. – Что ты в итоге решил: кичился ли я и задевал тебя намеренно или действительно хотел рассказать про партию?

– Всё-таки думаю, – с ноткой неловкости в голосе наконец разразился я, – что ты кичился и намеренно задевал. Думаю, что дело не в разборе партии. Но я не хотел обличать сего факта и обижать тебя ответными подколками, ведь вдруг ты имел другой умысел, а я бы тебя незаслуженно атаковал.

– На самом деле ты прав! – по ту сторону трубки вновь раздался смех. – Я пытался уколоть тебя намеренно. Но понимая, что ты можешь раскусить мою задумку, я готовил ещё и ответные меры!

– Какие такие «меры»? – сквозь образовавшуюся улыбку удивлённо спросил я. – Да ещё и «ответные»!

– Если бы ты уличил меня в намеренном уколе, – через смех говорил В, – то я бы завинтовал тебя в стиле «да как ты мог так плохо обо мне подумать?!» и играл бы какое-то время в обидки. Ударив таким образом по тебе вдвойне: и фактом твоего вчерашнего проигрыша, и фактом твоих якобы «плохих» обо мне мыслей. И как только бы ты уверовал в навешанные на тебя косяки и унижения, я рассказал бы о всей глубине и коварстве замысла, ещё раз посмеявшись над тобой! И обличённая правда демонстрировала бы уже третью подряд мою победу в одном-единственном разговоре. И я

получался бы весь тебя разбивший со всех сторон, да ещё и весь в белом – этаким благородный правдолюб! А ты взял и съехал, поломав весь мой гениальный злодейский план своим позитивным «приветом».

– Вот ты говоришь «весь в белом», – с энтузиазмом подхватил я. – Почему человеку хочется «быть в белом» перед самим собой в первую очередь? Кстати, это и была моя изначальная тема разговора и цель звонка. Я хотел поговорить о созидательном векторе направления человеческого социума, выраженном плавным переходом от нетерпимости к взаимопомощи. От вражды к кооперации. Имеется в виду в исторических масштабах. Глобальные процессы идут с уклоном на нравственное развитие людей, а значит, и так называемый «путь добра» в целом является конечной истиной. Я уже подготовил разные аргументы и базу для дискуссии. Ну и что уж греха таить, и отыграться не терпится! Подкатывай часикам к восьми.

В трубке послышалось показушное «цыкание», после чего незамедлительно последовал ответ:

– Да я тебе сразу отвечу, – лениво заговорил В. – Слаба твоя мысль и наивна. На нас двоих – даже элементарно посмотри со стороны и сразу всё поймешь. Вот ты меня для чего зовёшь обсудить? Только честно? Естественно, для того, чтобы потешить своё самолюбие победой надо мной. Ни о какой любви и ни о каком созидании твои цели и близко не говорят. Только эгоизм, только победа над другим человеком и стремление подчинить его себе. А наша извечная игра во взаимные подколки, кто кого переиграет и перепостановит, – это, по-твоему, что? Для чего мы это делаем? Опять же попытки унижить друг друга победой. Пусть и в довольно мирной форме некоего спарринга для тренировки мозгов. Но сути это не меняет. Пойми, нелепо ты выглядишь, приглашая меня доказывать идею «наличия добра» с мыслью об уничтожении моей позиции. Твоё желание унижить меня победой прямо противоречит идее о наличии взаимопомощи с точки зрения нравственных мотивов. Только эгоизм и стремление подавлять другого. Больше ничего в людях нет. И всё развитие социума «в рамках исторических масштабов» заключено в стремлении лучше и лучше скрывать сей мотив. А почему человек хочет быть «в белом»? Да потому что такая позиция обезопасит его и максимально скроет подлог с эгоистичным мотивом. Ведь если окружающие поймут горькую правду о том, что человеку плевать на них, то назреет открытый конфликт интересов. А принимать открытый бой опасно и невыгодно. Манипуляция и сокрытие истинных мотивов всегда надёжнее. Поэтому лучше пусть окружающие тешат себя иллюзиями о своей значимости, лицезрея тебя «в белом» с мотивами света и добра. Элементарная защита корыстных интересов. Красивые маски добродетели – это ложь. Желание «быть в белом» обусловлено страхом того, что эгоизм будет обличён и последует конфликт. Поэтому и врут люди чаще лишь тем, кто сильнее их